

Дементьева М.К.
Москва, Россия

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОФИЦИАЛЬНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Языковой образ политика отражает его когнитивно-речевые стратегии, его «картину мира», аксиологические установки. Особой общественно-коммуникативной значимостью отличается профессиональная речь президента. Одним из главных актов оценки, формирующих картину мира официального политического дискурса, является ежегодное послание президента РФ к Федеральному собранию. Использование средств открытой и скрытой оценки на всех языковых уровнях (риторических приемов, лексемы-узла «одобрять», прагмем, окказионализмов, метафор) актуализирует и закрепляет изменения в активном словаре общества.

Ключевые слова: политический дискурс, оценочность, риторический прием, прагмема, окказионализм, метафора.

Сведения об авторе: Дементьева Марина Константиновна, аспирант, ассистент преподавателя.

Место работы: Московский государственный университет печати.

Контактная информация: 140003, Московская область, г. Люберцы, ул. 3-е почтовое отделение, д. 88, кв. 94.

E-mail: thebukvica@gmail.com.

Dementyeva M.K.
Moscow, Russia

**LINGUISTIC MEANS OF EVALUATION
EXPRESSION IN CURRENT RUSSIAN
OFFICIAL POLITICAL DISCOURSE**

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. Politician's language image reflects cognitive strategies of his speech, his world view and axiological attitudes. President's speech is of great social value. Annual President's Letter to Congress is one of the most important appraisal reports which form world view of official political discourse. Using of explicit and implicit means of evaluation (rhetorical methods, lexeme "approve", pragmatical units, occasional words, metaphors) actualizes changing of active vocabulary of society.

Key words: political discourse, evaluation, rhetorical methods, pragmatical units, occasional words, metaphors.

About the author: Dementyeva Marina Konstantinovna, Postgraduate Student, Assistant Lecturer.

Place of employment: Moscow State University of Printing Arts.

Языковое сообщество склонно к построению собственного **дискурса**, формированию особого узнаваемого «языка», состоящего из типического набора элементарных смыслов. Если дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [ЛЭС: 136-137], то политический дискурс есть совокупность «политических дискурсов (социально дифференцированных речевых практик) социума: дискурсии власти, контрдискурсии, публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений либо дестабилизирующих ее» [Методология исследований... 1998: 12]. Главной интенцией, базой политического дискурса являются вопросы приобретения и сохранения власти [Шейгал 2000: 43], причем «узловой точкой борьбы за власть является борьба за власть номинаций» [Современный русский язык 2008: 502]. Как властный инструмент, политический дискурс сочетает в себе динамичность и консервативность. Актуальность его исследования обусловлена тем, что политический дискурс напрямую или косвенно влияет на все сферы жизни общества: речевое воздействие здесь является основной целью коммуникации.

Образ политика, создаваемый языковыми средствами, обладает определенной спецификой. Согласно Ю.Н. Караулову, структура языковой личности состоит из трех уровней: вер-

бально-семантического (как совокупности языковых средств выражения определенных значений), когнитивного (как системы понятий, идей, концептов, составляющих «картину мира», которая отражает иерархию ценностей) и прагматического (как совокупности целей, мотивов, интересов, установок и интенциональностей) [Караулов 1989: 3]. В языковой личности политика третий, прагматический, уровень является преобладающим. Перед каждым политиком встают три базовых вопроса, почерпнутые из античной риторики: *Что сказать? Где сказать? Как сказать?* Ответы на эти вопросы кроются в прагматическом потенциале языковых единиц. К прагматике политического дискурса относится область поведения знаков в процессах политической коммуникации.

Образ политика отражает его когнитивно-речевые стратегии. Особой общественно-коммуникативной значимостью отличается профессиональная речь президента. Перед ним стоит задача выстраивать коммуникативную стратегию таким образом, чтобы консолидировать общество, согласовывать интересы различных социальных групп, эффективно представлять страну в мировом сообществе. Вместе с тем, он не может быть только функционером, важно, чтобы его образ был узнаваемым, чтобы комплекс составляющих его языковых и рече-

вых средств вызывал определенную когнитивную и эмоциональную реакцию аудитории. Став президентом РФ, Б. Ельцин выстраивал свой дискурс на контрасте к дискурсу советских лидеров. В. Путин, которого Б. Ельцин выбрал своим преемником на президентском посту, довольно скоро отграничил собственный, «молодой», «динамичный» дискурс от «консервативного» ельцинского. Перед Д. Медведевым стоит более сложная задача: ему необходимо подчеркнуть преемственность собственного дискурса по отношению к путинскому и одновременно сделать его индивидуальным, узнаваемым. В сравнении с образом В. Путина образ Д. Медведева кажется более сдержанным.

Образ политика есть отражение его «картины мира», его аксиологических установок. Оценка как выражение *одобрения / неодобрения* в процессе коммуникации характерна для социального взаимодействия вообще, но в политической коммуникации она играет особую, структурообразующую роль. Без оценки невозможна экспансия политических взглядов. Из трех базовых составляющих системы ценностей – конкретно-исторической, личной и общечеловеческой – политический дискурс чаще оперирует конкретно-исторической. В основе политического дискурса – утилитарные, морально-этические ценности.

Оценка – многоаспектная категория, состоящая из четырех компонентов: субъекта, объекта, основания и предиката оценки [Арутюнова, Вольф, Маркелова]. В своем послании президент выступает в качестве субъекта оценки, основанием оценки являются его идеологические взгляды, интенции. В качестве объекта выступают основные события жизни страны за год. Оценочный предикат реализует ценностное отношение, в котором интегрированы политик и личность. В политическом дискурсе оценка особенно динамична, она меняется с изменением политической ситуации, а значит, объектов и даже субъектов оценки; ее значения наслаиваются друг на друга.

Оценочная функция в политическом дискурсе есть репрезентация ценностного отношения автора текста к событиям, фактам, частным и групповым актантам. Успешность коммуникативного акта в политическом дискурсе зависит от того, способен ли реципиент перенести сообщение в свою парадигму, почувствовать, что оно адресовано ему, соотнести его с собственными ценностями – т.е. сформировать собственное оценочное суждение с минимальными интеллектуально-временными затратами. Адресант добивается того, чтобы его сообщение было усвоено адресатом, воспринималось им как собственное мнение, собственная оценка.

Одним из главных актов оценки, формирующих картину мира официального политического дискурса, является ежегодное послание президента РФ к Федеральному собранию. Это

устоявшийся жанр государственной политической коммуникации, текст, подводящий итог развития страны за год и ставящий стратегические и тактические задачи. Президент, с одной стороны, отбирает особенно важные для жизни страны и мира события, с другой стороны, сам фактом отбора делает эти события значимыми: в политическом дискурсе расставляются символические акценты, совокупность которых моделирует картину мира [Почепцов 2000: 85]. Актуализируется определенный тематический, а следовательно, и лексический пласт в политическом дискурсе и дискурсе СМИ, вводятся и закрепляются изменения в активном словаре общества: «**Конструирование события**» происходит посредством именованной и интерпретации и включает в себя операцию категоризации – встраивания события в дискурс, в общий тематический, концептуальный, стилистический ряд» [Современный русский язык 2008: 502]. Президент расставляет события на **оценочной шкале**, присваивая им статус «очень хорошо» – «довольно хорошо» – «хорошо» – «нормально» – «плохо» – «довольно плохо» – «очень плохо».

Президент в своем главном ежегодном обращении должен не только представить собственную точку зрения на положение в стране и в мире, но и артикулировать интересы нации, выразить ее ожидания, чтобы добиться максимального перлокутивного эффекта. Здесь важна апелляция к ценностной сфере каждого индивида и нации в целом. Ежегодное послание выступает как маркер, показатель языковой моды в официальном дискурсе: в политическом дискурсе «анализ языковых структур <...> дает возможность проводить лингвистический мониторинг общественного сознания и выделять в нем быстро меняющиеся и стабильные составляющие» [Баранов 1994: VII-VIII].

Сравним послания 2007 и 2008 годов. В. Путин и Д. Медведев реализуют разные речевые стратегии. В своих посланиях они активно используют средства открытой оценочности. Д. Медведев дистанцируется от путинского дискурса в первую очередь выбором событийных узловых точек, вокруг которых он выстраивает композицию собственного выступления. Так, В. Путин выступал в относительно благополучный период, о чем свидетельствует оценка «очень хорошо» («*Россия не только преодолела длительный спад производства, но и вошла в десятку крупнейших экономик мира*»), Д. Медведев же занял президентский пост в сложный момент, свидетельство тому – оценка «плохо» («*Произошли события, ставшие <...> серьезным испытанием для всей России*»). В соответствии с этим строится композиция выступлений.

В. Путин выстраивает прямую композицию: ему важно проследить вектор развития страны. Для этого он использует глагольные конструкции в трех временных планах: прошлом (отдает

дань памяти Б. Ельцина, в эпоху которого «был заложен фундамент будущих перемен»), настоящим (в его основе «духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности») и будущим (к осуществлению которого ведут стратегические планы: «это формирование дееспособного гражданского общества, это строительство эффективного государства, обеспечивающего безопасность и достойную жизнь людей, это становление свободной и социально ответственного предпринимательства, это борьба с коррупцией и терроризмом, модернизация Вооруженных Сил и правоохранительных органов, это, наконец, значимое укрепление роли России в международных делах»). Все три временных плана тесно взаимосвязаны в выступлении, прослеживается тенденция «строительства светлого будущего» «всем миром, сообща», о чем свидетельствует оценка «очень хорошо». Абстрактные существительные в роли однородных членов усиливают воздействующий эффект.

Д. Медведев вынужден постоянно возвращаться к мировому финансовому кризису, он начинает и заканчивает свою речь словами о конфликте в Южной Осетии. Обоим событиям присвоена оценка «очень плохо»: «Это варварская агрессия против Южной Осетии», «экономика Соединенных Штатов потащила за собой вниз, на траекторию спада, финансовые рынки всей планеты». Кольцевая композиция послания подчеркивает значимость конфликта как показателя расстановки сил в современном мире. Стратегическая цель послания Д. Медведева – уверить аудиторию в том, что страна уже стоит на пути выхода из кризиса и что для этого нужен личный вклад каждого. Провозглашаемым целям и средствам их достижения Д. Медведев присваивает оценку «очень хорошо»: «Наш приоритет – это производство (а в перспективе – и экспорт) знаний, новых технологий и передовой культуры. А значит, достижение лидирующих позиций в науке, в образовании, в искусстве. Мы обязаны быть на переднем крае инноваций в основных сферах экономики и общественной жизни. И на такие цели ни государству, ни бизнесу скупиться не стоит – даже в непростые финансовые периоды».

Послание президента – главное обращение к аудитории страны. Президент в нем выступает от имени высших властных институтов. Употребляя **личные местоимения**, президент особой доверительной интонацией фиксирует внимание на проблемах, о которых говорит как о значимых лично для него: В. Путин о фонде: «Я помню, когда мы начинали заниматься этой темой, сначала вообще было, по-моему, в 2004 году, 300 миллионов, потом по миллиарду выделяли, в этом году – опять миллиард». Элементы разговорного стиля усиливают доверительную интонацию В. Путина. В отличие от В. Путина, Д. Медведев избегает разговорных конструкций, особо подчеркивая собственную ответственность за принятые решения: «Я утвердил но-

вую конфигурацию облика Вооруженных Сил нашей страны».

Мощными средствами оценки являются **парадигмы «мы-инклюзивное» и «мы-эксклюзивное»**. Включение политического субъекта, события в одну из них мгновенно маркирует субъекта и событие, относит их к «лагерю» «свой» или «чужие», «хорошо» или «плохо».

В парадигму «мы-инклюзивное» В. Путин включает руководство страны («мы осознанно пошли на этот, по сути, революционный шаг, по-серьезному демократизировали избирательную систему», «Мы с вами должны с полной отдачей сил до последней минуты наших законных, конституционных полномочий и эффективно использовать то время, которое нам подарила судьба, чтобы послужить России»), российское общество («При этом мы понимаем, что находимся, конечно, только в начале трудного пути к подлинному возрождению страны. И чем более сплоченным будет наше общество, тем быстрее и увереннее мы сможем пройти этот путь»), весь народ («духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности»). Градационный ряд **ФС, наше общество, народ** создает впечатление, будто его члены – синонимы. Мифологизация общественного сознания происходит за счет того, что идеологизированному клише здесь соответствует мнимый денотат [Современный русский язык 2003: 162].

Д. Медведев парадигмой постулирует консолидацию российского общества в тяжелых условиях: «Отрадно отметить (и говорю это с искренней благодарностью), что по событиям на Южном Кавказе (типичный для речи чиновников оборот, отражающий закон речевой экономии) крупнейшие политические движения страны действовали солидарно». Д. Медведеву нужно подчеркнуть, что в кризисных условиях Россия не будет руководствоваться только собственными интересами, приостанавливать процесс интеграции в мировое сообщество, поэтому в парадигму «мы-инклюзивное» он включает весь мир: «Свойство некоторых проблем становится всеобщими характерно для нашего взаимосвязанного мира», – говорит он об общемировом пространстве и уже в следующем предложении переходит к внутривоспитательному, употребляя то же самое местоимение: «Мы давно сделали свой выбор в пользу глубокой интеграции в мировое хозяйство». Включение **мирового сообщества** в градационный ряд **правительство («основу нашей политики...»)** – **граждане России («Это то, что дорого вам, дорого мне, дорого нам всем»)** – прием включения адресата в «свой» круг – Россия («наша страна») воспринимается как преувеличение.

В парадигму «мы-эксклюзивное» В. Путин включает две группы «врагов». Действия всех трех групп В. Путин помещает в область «очень плохо» на градационной шкале оценок. Во-первых, это внутренние враги (прежние элиты): «Прямо скажу: не всем (исключение из парадигмы "мы-инклюзивное") нравится (создает

образ оппонента, "врага" и дает отрицательную оценку развитию страны от его имени) *стабильное поступательное развитие нашей страны* (положительная оценка вектора развития страны). *Есть и те, кто, ловко* (от: "ловкий: находящий выход из любого положения, хитрый, изворотливый" [Ожегов 2007: 229]) *используя псевдодемократическую* ("псевдо...: первая часть сложных слов в значении мнимый, ложный" [там же: 444]) *фразеологию* (т.е. используя клише, а не создавая новые знаки), *хотел бы вернуть недавнее прошлое: одни – чтобы, как раньше, безнаказанно разворовать* ("разворовать – то же, что расхитить: похитить по частям, в разное время, занимаясь воровством, хищениями" [там же: 471]) *общенациональные богатства, грабить* ("грабить: отнимать силой что-нибудь у кого-нибудь, разоряя" [там же: 100]) *людей и государство, другие – чтобы лишить страну экономической и политической самостоятельности* (ценностей, закрепленных Конституцией); *«Кое-кто не гнушается* ("гнушаться: испытывать чувство отвращения к кому-нибудь, чему-нибудь вследствие презрения, брезгливости" [там же: 95]) *и самыми грязными* ("грязный: покрытый грязью, запачканный, нечистый" [там же: 105]) *технологиями, пытаясь разжечь* ("разжечь: довести до высокой степени, крайне усилить" [там же: 455]) *в нашей многонациональной демократической стране межнациональную и межконфессиональную рознь* ("рознь: вражда, ссора" [там же: 482]). Во-вторых, внешние враги: *«Растет и поток денег из-за рубежа, используемых для прямого вмешательства в наши внутренние дела».*

Д. Медведев относит к внутренним врагам тех, *«кто хотел бы нажить* ("нажить: постепенно накопить, собрать, получить какую-нибудь прибыль" [там же: 263]) *на глобальном экономическом кризисе "лёгкий" политический капитал* (слово расширило сочетаемость: не только финансовый, промышленный, но и политический, человеческий), *кто настроился на популистскую болтовню* ("болтовня: бессодержательные разговоры, пустословие" [там же: 39]), *кто хотел бы дестабилизировать* (антоним "стабилизировать: привести в устойчивое положение, состояние" [там же: 535]) *общество, чтобы удовлетворить личные амбиции».* Внешние враги более конкретизированы, чем в речи В. Путина. Это руководство Грузии: *«Нападение* (от: "напасть: выступить против кого-нибудь, чего-нибудь с целью разгрома, уничтожения, нанесения ущерба" [там же: 268]) *грузинской армии* ("армия: вооруженные силы государства" [там же: 22]) *на российских миротворцев* ("миротворец: тот, кто способствует поддержанию мира, устранению войн" [там же: 247]) – хотя "российские миротворцы также были вооружены"»)» (перлокутивный эффект достигается за счет использования контраста),

«локальная авантюра ("авантюра: беспринципное, рискованное, сомнительное по честности дело, предпринятое в расчете на случайный успех" [там же: 14]) *тбилисского режима обернулась ростом напряжённости* (от: "напряжённый: неослабевающий, требующий сосредоточения сил, внимания; беспокойный, готовый разразиться чем-нибудь неприятным" [там же: 270]) *далеко за пределами региона, во всей Европе, во всём мире».*

Парадигму «мы – эксклюзивное» Д. Медведев строит на контрасте к парадигме «мы-инклюзивное», оценивая ее отрицательно: *«Россия готова вместе с другими странами противостоять и тем трудностям, к которым ведет её замедление. Но необходимо создать механизмы, блокирующие ошибочные, эгоистические, а подчас просто опасные решения некоторых членов мирового сообщества. Ведь что греха таить, трагедия Цхинвала стала, помимо прочего, следствием самонадеянного, не терпящего критики и предпочитающего односторонние решения курса американской администрации».*

Присущая российской культуре ориентированность на коллектив [Добросклонская 2000] нашла отражение в выступлениях обоих президентов. Однако в большей мере она характерна для выступления В. Путина: он обращается к поискам русской идеи, упоминая в этом контексте план развития экономики, позднее названный «планом Путина». Пользуясь тем, что у термина "русская идея" нет строгой дефиниции, В. Путин определяет его по-своему, отождествляя с экономическим планом, оцененным «очень хорошо»: *«Однако есть нечто такое, что объединяет всех без исключения: все хотят, чтобы это были перемены к лучшему. Но не все знают, как этого добиться. А мы с вами, те, кто собрался сегодня здесь, в Кремле, не только обязаны это знать – мы обязаны сделать все для того, чтобы выработать план практических конкретных действий. Мы должны сделать все для того, чтобы убедить в эффективности этого плана подавляющее большинство граждан страны и сделать их реальными соучастниками общего созидательного процесса».*

В отличие от В. Путина, Д. Медведев апеллирует к каждому конкретному индивидууму. При этом Д. Медведев не использует личные формы глаголов, в его речи возникает абстрактный, символический индивидуум, о котором президент говорит в третьем лице: *«Основу нашей политики должна составить идеология, в центре которой – человек. Как личность и как гражданин, которому от рождения гарантированы равные возможности. А жизненный успех которого зависит от его личной инициативы и самостоятельности. От его способности к новаторству и творческому труду. И сейчас это для нас важнее, чем когда бы то ни было».* В этом контексте он обращается к Конституции как символу обновления страны, смены точек зрения, перехода от

оценки «очень плохо» к оценке «очень хорошо». Д. Медведев делает акцент на контрасте: не человек для государства, а государство для человека: *«В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. Конституция предопределила путь обновления России как государства свободной нации»*. Стремясь отграничить собственный, «либеральный», дискурс от путинского, «силового», Д. Медведев использует «юбилей» российской Конституции как информационный повод обратиться к ценностям (оценка «очень хорошо»), закрепленным в основном законе, и подчеркивает: *«Теперь вопрос не в том, быть или не быть демократии в России, как это было ещё совсем недавно, 15 лет назад. Понятно, что быть. Очевидно. С этим никто не спорит. Теперь вопрос в том, как должна развиваться дальше российская демократия»*. Парцелляция, употребление наречий «понятно, очевидно» символизируют уверенность Д. Медведева в незыблемости ценностей.

Сознательно уходя от стилистики путинских выступлений, Д. Медведев старается «выстроить» собственный дискурс. Он подчеркивает, что занимается сугубо практической работой: *«Не собираюсь никому читать мораль или пускаться в абстрактные рассуждения. Президент России – это очень конкретная и практическая работа»*. Вместе с тем, воспринимается обращение к теме Конституции, свободы слова как лирическое отступление, что вызвано в том числе морфологическими средствами. Там, где В. Путин насыщает свою речь числительными: *«за период с 2007 по 2009 год увеличение среднего размера пенсий должно составить не менее 65 процентов»*, – Медведев вводит отвлеченные существительные: *«Принято также решение о повышении тарифов пенсионного страхования до уровня, позволяющего достичь европейских стандартов пенсионного обеспечения»*.

И В. Путин, и Д. Медведев избегают конструкций с **прямой оценочной лексикой**, за редким исключением, которое свидетельствует об эмоциональной реакции говорящего и тем самым становится средством «выдвижения» смысла. Примером может служить личная оценка «очень плохо», данная В. Путиным современному состоянию ЖКХ: *«Невнимание государства к этим проблемам вообще считаю аморальным»*. В. Путин противопоставляет тематическому пласту, связанному с государственными задачами и проблемами, группу слов, относящихся к этике общения («невнимание», «аморальным»). Создавая эффект неожиданности, В. Путин сталкивает общеупотребительную («государства») и разговорную лексику («вообще»). Доверительный характер сообщения создается использованием инверсии. С морфологической точки зрения в предложении доминируют существительные, наложение падежных конструкций свидетельствует о «преступном» бездействии государства. Ему проти-

вопоставлен личный глагол «считаю» в составе именного сказуемого. Предложение односоставное, определено-личное. Отсутствие подлежащего в структуре предложения усиливает его динамику, экспрессию.

В отличие от В. Путина, Д. Медведев не сочетает личные глаголы с оценочной лексикой: *«Но необходимо создать механизмы, блокирующие ошибочные, эгоистические, а подчас просто опасные решения некоторых членов мирового сообщества»*. Как и В. Путин, Д. Медведев сталкивает различные тематические пласты (госуправления и этики общения). Но если В. Путин усиливает контраст обращением к разговорной лексике, то Д. Медведев выдерживает обвинение в рамках лексики общеупотребительной. Синонимический ряд («ошибочные», «эгоистические», «опасные») выстроен по градационному принципу, что усиливает воздействие на аудиторию. С морфологической точки зрения преобладают существительные и прилагательные. Вместо того чтобы назвать «врагов», Д. Медведев вводит в текст неопределенное местоимение («некоторые»), предоставляя аудитории возможность домыслить отсутствующий элемент, заполнить пропущенный денотат. Предложение начинается с противительного союза «но», что усиливает экспрессию. Предложение односоставное, безличное, синтаксическая конструкция носит книжный характер.

Как любой политический дискурс, современная официальная политическая риторика строится на базовых оппозициях старое / новое, свое / чужое, истинное / ложное, которые представляют собой частный случай действия **лексемы-узла «одобрять»** [Маркелова 1999]. Политический процесс представляет собой согласование различных интересов, что объясняет распространенность в политическом дискурсе глагола «одобрять», его синонимов и антонимов. Употребленная в жанре президентского послания, эта лексема-узел символизирует отсутствие социального паритета говорящих и официальный тип коммуникации [там же: 82]. Иллокутивный акт одобрения выражается глаголом «одобрять», которого и В. Путин, и Д. Медведев избегают, и его синонимами.

К ним относится средства оценки со значением согласия. В. Путин совершает акт одобрения и настаивает на том, что его мнение верно, призывает к нему присоединиться. В. Путин употребляет краткое прилагательное («согласен с этим предложением»), полное прилагательное («согласованной работе исполнительной и законодательной власти») и производный предлог («согласно которой»). Глагольный предлог («согласно которой»). Глагольные формы представлены глаголом несовершенного вида прошедшего времени: *«Россия согласовывала свои действия с партнерами»* – в данном предложении В. Путин подчеркивает процессуальность, длительность действия; глаголом третьего лица будущего времени: *«думаю, многие согласятся со мной»*

в том, что» – здесь В. Путин выступает в речевой роли пророка, предрекая будущие оценки неэксплицированных субъектов; глаголом повелительного наклонения: «*Согласитесь также, разве можно беспомощно взирать на разрушающиеся мостовые переходы*» – здесь важна не субъективная модальность желания, а интенциональное значение перформативного инфинитива [Формановская 2007: 293].

Словообразовательный блок «согласен» в речи Д. Медведева в основном представлен именными конструкциями, что лишает ее динамики: это существительные в характерной для речи чиновников цепи родительных падежей («*участвовал в разработке и согласовании этого документа*», «*условием согласия в нашем обществе*») и полное прилагательное («*к согласованной позиции по*»). Единственная глагольная конструкция дана в предположительной модальности: («*Думаю, многие со мной согласятся, что*»).

К синонимам глагола «одобрять» относится также конструкции с глаголом «принимать». В официально-деловой и идеологической коммуникации закреплены шаблоны формулировок, сообщающих о принятом решении. Это конструкция «модальное слово + инфинитив с семантикой интенции» («*необходимо принять соответствующую программу*», «*Нужно незамедлительно (интенсификатор) <...> принять инвестиционные программы развития российских портов*» – В. Путин, «*надо принять пакет законов*» – Д. Медведев), полные и краткие причастия в страдательном залоге («*принятой по инициативе президента Ельцина*», «*в результате принятых в последние годы мер*» – В. Путин, «*принято также решение о повышении тарифов пенсионного страхования*» – Д. Медведев) и существительные («*вопрос о принятии специальной программы развития аэропортовой сети*» – В. Путин, «*принятие в 1993 году Основного закона*» – Д. Медведев).

Глагол «принять» в официальной коммуникации тесно связан с перформативом «прошу»: у В. Путина: «*прошу ускорить принятие поправок в законодательство*». В официальной политической коммуникации глагол «прошу» является своего рода эвфемизмом: к денотативному значению собственно просьбы добавляется коннотативное «обязательно к исполнению».

Еще одна модель, синонимичная конструкции с глаголом «одобрять», – конструкции с глаголом «утверждать». Здесь обнаруживается синтаксический параллелизм с уже описанными конструкциями. Так, В. Путин употребляет в речи схему «модальное слово + инфинитив» («*считаю необходимым утвердить программу развития дорожной сети*»), включает модальное слово в состав именного сказуемого («*Она должна быть утверждена Правительством*»).

Д. Медведев использует прямой порядок слов в предложении: «*именно Конституция утверждает свободу и справедливость, человеческое достоинство и благополучие, защиту семьи и Отечества, единство многонационального народа – не только как общепризнанные ценности, но и как юридические понятия*». Говоря о планах, Д. Медведев использует страдательный залог: «*Стратегия развития российского образования в целом скоро будет утверждена Правительством*», – что создает образ бюрократического механизма, машины для принятия решений. Этот образ Д. Медведев укрепляет, употребляя составное именное сказуемое: «*мы начинаем реализацию утвержденной программы*».

И В. Путин, и Д. Медведев используют в речи синонимы лексемы-узла «одобрять», но тщательно избегают ее антонимов, предпочитая отрицательные оценки облекать в безличную форму. В. Путин чаще использует личные глагольные формы, Д. Медведев оперирует именными конструкциями, вводит пассивный залог, которые лишают его речь динамичности, вызывая ассоциацию с шаблонами документов.

В качестве средства воздействия выступают **глаголы с семами уверенности, убеждения**: они призваны передать аудитории мнение политика, которым он делится в доверительной интонации. Так, в речи В. Путина пять раз употреблен глагол «убежден», в речи Д. Медведева – только единожды. ФСП «уверен» в речи Д. Медведева представлено шестью личными глаголами и прилагательным («*уверенными в себе людьми*»), в речи В. Путина – глаголом («*если наши граждане <...> будут уверены в том, что все усилия государства направлены на защиту их кровных интересов*»), существительным («*могу с уверенностью сказать*») и сравнительным прилагательным («*тем быстрее и уверенней мы сможем пройти этот путь*»).

И В. Путин, и Д. Медведев в своих посланиях используют многие **риторические приемы** [Дейк; Чернявская]: создание эффекта «всеобщего мнения», приклеивание ярлыков, прием опоры на авторитет, прием двойных стандартов, введение пресуппозиций.

Чтобы подчеркнуть целесообразность какого-то действия, оба оратора создают **эффект «всеобщего мнения»** генерализацией субъекта действия. Так, в речи и Путина, и Медведева есть конструкции с пассивным залогом: «*будет решаться вопрос о преемственности государственной политики*», «*был заложен фундамент будущих перемен*» (В. Путин), «*Конфликт на Кавказе был использован как предлог для ввода в Чёрное море военных кораблей НАТО*» (Д. Медведев). Эффект «всеобщего мнения» создают также указательные местоимения («*Тем, кто хотел бы нажать на глобальном экономическом кризисе "лёгкий" политический капитал, кто настроился на*

популистскую болтовню, кто хотел бы дестабилизировать общество, чтобы удовлетворить личные амбиции» – Д. Медведев), неопределенные местоимения («Кое-кто не гнушается и самыми грязными технологиями» – В. Путин), олицетворения («Растет поток денег из-за рубежа, используемый для прямого вмешательства в наши внутренние дела» – В. Путин). Медведев использует также прием **приклеивания ярлыков**: «*Это варварская агрессия против Южной Осетии*», «*локальная авантюра тбилисского режима*», **указания на круг потенциальных адресатов речи** – не только внутри страны, но и за ее пределами: «*Урок ошибок и кризисов 2008 года показал всем ответственным нациям...*».

Прием **опоры на авторитет** В. Путин и Д. Медведев используют по-разному. В. Путин цитирует Д. Лихачева; Д. Медведев – П. Столыпина, правоведов Н. Коркунова и Б. Чичерина. Путин обращается к традиции, опирается на авторитет Д.С. Лихачева в вопросе соотношения государственного суверенитета и культурной ориентации нации: «*Государственный суверенитет определяется в том числе и культурными критериями*», – Д. Медведев же «обращается за помощью» в вопросе о сущности права как «*условия истинно человеческого существования*» (Б. Чичерин), вопросах поиска гражданской идентичности: «*Прежде всего надлежит создать гражданина, и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедуют наоборот*» (П. Столыпин), противодействия чиновничьему произволу: «*установление законности всегда чувствуется как стеснение произвола властвующих*» (Н. Коркунов).

Обвиняя другие страны в использовании приема **двойных стандартов**, Д. Медведев сам его применяет: «*откровенно предвзятой выглядит позиция наших партнёров, ещё недавно приложивших максимум усилий, чтобы в обход норм международного права добиться отделения Косова от Сербии и признания этого самопровозглашённого региона в качестве субъекта международного права, а теперь как ни в чём не бывало критикующих Россию*». При этом Д. Медведев использует **прием умолчания**, не упоминая о позиции России в балканском конфликте.

Д. Медведев задает **пресуппозиции**: «*Ведь что греха таить, трагедия Цхинвала стала, помимо прочего, следствием самонадеянного, не терпящего критики и предпочитающего односторонние решения курса американской администрации*». В высказывании содержится как минимум две пресуппозиции, которые могут быть подвергнуты оценке:

1 Трагедия Цхинвала стала следствием курса американской администрации.

2 Курс американской администрации – самонадеянный, не терпящий критики и предпочитающий односторонние решения.

Вторая пресуппозиция подана в предложении как тема, первая пресуппозиция – как рема. Вводный оборот является здесь маркером пресуппозиции, подразумевается, что эта информация не является спорной, общеизвестна.

Ядро оценочной картины мира составляет **прагмема** (идеологема) – «наименьшая доступная пониманию единица анализа антагонистических дискурсов различных социальных групп или классов» [Методология политического дискурса 2000: 459]. М. Эпштейн определяет прагмему как «лексему с закрепленной за ней устойчивой прагматической установкой». В прагмеме предметное и оценочное значения предстают «как бы склеенными, жестко связанными» [Эпштейн 1991: 22]. Прагмема – это концентрат смысла, «свернутое суждение», «слово, которое говорит само за себя» [там же: 25]: «объект суждения соотносится с денотативным содержанием слова, а предикат – с оценочным содержанием, которое в структуре лексического значения имеет характер сигнификата» [Маркелова 1996: 185]. Благодаря этому прагмема обладает высоким потенциалом воздействия на адресата и особенно широко используется в политическом дискурсе.

В. Путин и Д. Медведев употребляют сходные прагмемы. Чересчур часто они используют «модные» прагмемы, заменяя ими более уместные в контексте синонимы, что свидетельствует о расширении синтагматики слова. Ср. в речи Медведева: «*каждый рубль должен тратиться эффективно*» («эффективный: дающий эффект, действенный» [Ожегов 2007: 636]) – вместо традиционного «разумно». Путин вводит в текст олицетворение: «*запустить сам механизм создания объединений эффективных собственников жилья*». Прагмема участвует в процессе метафоризации: «*работа по этим проектам* [еще один пример языковой моды: употреблен предлог "по" вместо нужного "над"] *требует особой управленческой схемы, или, как мы сейчас часто говорим, "ручного" управления*». Кроме того, здесь слово входит в состав метаязыкового высказывания.

Д. Медведев употребил в речи окказиональную прагмему «*Бюрократия периодически "кошмарит" бизнес*» (от «кошмар: тяжелый сон с гнетущими видениями; нечто тягостное, неприятное, отвратительное» [там же: 211]), которая затем вошла в языковую моду: «*Дума в первом чтении запретила МВД "кошмарить бизнес"*» [URL: <http://lenta.ru/news/2008/09/17/duma/>], «*В распоряжении "МК" оказался документ, содержание которого вряд ли обрадует тот самый бизнес, который первые лица страны требуют "не кошмарить"*» [Гришин URL: <http://www.mk.ru/blogs/MK/2008/12/23/society/387563/>], «*Налоговикам запретили "кошмарить" бизнес дважды*» [Клин URL: http://www.izvestia.ru/russia/article_3126413] (кавычки свидетельствуют о том, что глагол «кошмарить» еще не стал нарицательным, он упот-

ребляется как прецедентный текст, понятная читателю цитата из речи президента). О превращении словосочетания «кошмарить бизнес» во фразеологизм свидетельствует его употребление уже без кавычек: «*Не, надо кошмарить бизнес*» [Гришин URL: <http://www.mk.ru/blogs/MK/2008/12/23/society/387563/>] (заголовок статьи ссылается не только к речи Д. Медведева, но и к вариантам постановки запятой в цитате «Казнить нельзя помиловать» из детской книги Л. Гераскиной «В стране невыученных уроков» и снятому по ней мультфильму), «*Лужков решил не кошмарить бизнес. Теперь кошмарят мэра*» [Бероева URL: <http://www.kp.ru/daily/24255.4/452569/>] (глагол «кошмарить» расширяет сочетаемость: «кошмарят» уже не только бизнес, но и мэра).

Прагмема *реальный* («реальный: действительный, существующий, не воображаемый; осуществимый, отвечающий действительности; практический, исходящий из понимания подлинных условий действительности» [Ожегов 2007: 473]) также расширила свое значение, что следует из речи В. Путина: не только «*реальная угроза безопасности*» и «*реальные доходы*», но и «*реальная демократия*». Прагмема «выдвигается» в рамках текста: «*Темпы строительства Союзного государства зависят только от насыщенности и реальной – реальной – глубины интеграционных процессов*». Популярны прагмемы часто являются избыточными в высказывании: «*реально [не мифически?] показать народу*» – здесь Д. Медведев использует плеоназм как средство эмоционального воздействия.

После «хаотичных 90-х» стабильность – одна из основных ценностей в политическом дискурсе («стабильный: прочный, устойчивый, постоянный» [там же: 535]): у В. Путина: «*Политическая и экономическая стабильность*», «*стабильное поступательное развитие нашей страны*», «*стабилизировать материальную ситуацию в творческой среде*», «*решение о создании Стабилизационного фонда*», «*поддержание макроэкономической стабильности*». Грамматический потенциал слова возрастает, о чем свидетельствуют примеры из речи Д. Медведева: «*дестабилизировала основы глобального порядка*», «*меры, направленные на стабилизацию экономики*», «*тем прочнее и стабильнее должны быть фундаментальные институты демократии*», «*кто хотел бы дестабилизировать общество*», «*способствовать устранению очагов нестабильности в сопредельных регионах*». Д. Медведев вслед за В. Путиным использует экстралингвистические средства «выдвижения» смысла: слово *стабильность* он выделяет интонационно.

Вошедшая в языковую моду в политическом дискурсе прагмема *развитие* («развитие: процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное, переход от старого качественного состояния к новому качествен-

ному состоянию, от простого к сложному, от низшего к высшему; степень сознательности, просвещенности, культурности» [там же: 453]) расширила сочетаемость: у В. Путина: «*Государственную поддержку получают именно те направления развития, которые связаны с использованием и внедрением самых передовых технологий*», у Д. Медведева: «*Их интеллектуальная энергия, творческая сила – это главное богатство нации и основной ресурс прогрессивного развития*», «*... тем безопасней и устойчивей будет глобальное развитие*».

Прагмема *демократия* («демократия: политический строй, при котором власть принадлежит народу; способ руководства каким-нибудь коллективом, при котором обеспечивается участие и влияние всего коллектива» [там же: 112]) носила положительную оценку в перестроенную эпоху, в путинскую эпоху она приобрела негативную окраску: демократическая риторика набилась оскомины, В. Путин выстроил свой дискурс «сильной руки» на противодействии «хаосу 90-х»: см. негативно окрашенное за счет выбора паронима «*сегодня на вооружение берутся демократизаторские лозунги*». Д. Медведев стремится снова изменить знак оценки (об изменении знака оценки [Лотман, Успенский 1994: 221]): «*нужно постоянно доказывать дееспособность демократического устройства*», «*мы будем создавать подлинно демократическую модель отношений*», «*Они ровесники новой, демократической России*». Медведев делает лингвокультурологический вывод: «*В наши дни, уже на новом этапе развития, российское общество подтверждает приверженность демократическим ценностям Конституции. Оно в основном освоило навыки, практики и процедуры демократии. И в отличие от недавнего прошлого демократическое устройство уже не ассоциируется у наших граждан с хаосом, с бессилием, с деградацией*».

Прагмему *единство* («единство: общность, полное сходство; цельность, сплоченность; неразрывность, взаимная связь» [Ожегов 2007: 130]) актуализировал В. Путин («*духовное единство народа*», «*является базой для укрепления единства и суверенитета страны*», «*мы единственная страна, которая имеет так называемые фланговые ограничения на юге и на севере*»). В речи Д. Медведева она может носить как положительную («*политическое единство государства*», «*Единство разнообразных культур*», «*единство многонационального народа*», «*условием <...> единства российской нации*»), так и отрицательную оценку, которая дана в рамках парадигмы «мы-эксклюзивное» («*представление о собственном мнении как о единственно верном и неоспоримом*» [О США]).

Д. Медведев постулирует пять «собственных» прагмем, которые он заявляет как политическую стратегию и моду на которые вводит в политический дискурс: «*Наши действия в экономике будут базироваться на уже заявлен-*

ной концепции четырёх "И" – институты ("институт: название некоторых высших учебных и научных учреждений; совокупность норм права в какой-нибудь области общественных отношений, та или иная форма общественного устройства" [там же: 176]), *инвестиции* ("инвестировать: вложить капитал в предприятие, находящееся за пределами страны, за границей" [там же: 174]), *инфраструктура* ("инфраструктура: отрасли экономики, научно-технические знания, социальная жизни, которые непосредственно обеспечивают производственные процессы и условия жизнедеятельности общества" [там же: 177]), *инновации* ("нововведение, преобразование в экономической, технической, социальной и иных областях, связанное с новыми идеями, изобретениями, открытиями" [URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Инновация>]). *Такой подход закреплён и в подготовленной Правительством концепции развития до 2020 года. Реализовать его нужно в полном объёме. Добавив к нему, как я уже об этом как-то говорил, пятую составляющую – интеллект* ("мыслительная способность, умственное начало у человека, определяющее деятельность его" [там же: 176]).

Однако предполагаемый эффект новизны не возникает, т.к. В. Путин уже употреблял все пять прагмем, актуализируя их за счет расширения сочетаемости слов. В словосочетании «*капитализация институтов развития*» В. Путин употребляет сразу две прагмемы: *институты* и *развитие* – это же словосочетание есть в речи Д. Медведева. Остальные словосочетания с этой прагмемой в речи Д. Медведева построены по шаблону: «*социальные институты*», «*общественные институты*», «*зрелость демократических институтов*» и т.п.

Д. Медведев употребил прагмемы *инвестиции* и *инфраструктура* в своей речи единожды – только рассказывая о «концепции четырёх "И"», хотя повтор помог бы закрепить их в сознании адресата. Путин же 5 раз употребляет прагмему *инвестиции* и 8 раз – прагмему *инфраструктура*.

Прагмама *инновации* в речи В. Путина также обладает более широкой сочетаемостью, чем в речи Д. Медведева: «*конкурс инновационных вузов*» (В. Путин), «*будущей инновационной экономике*» (Д. Медведев).

Прагмама *интеллект* употреблена в речи обоих ораторов в традиционном поле сочетаемости: «*основанной на интеллекте и знаниях экономики*» (В. Путин), «*интеллектуальная энергия, творческая сила*» (Д. Медведев).

Входящие в состав концепции четырёх "И" прагмемы Д. Медведев представляет как собственный проект, новацию в российском политическом дискурсе. Однако их более частое и смелое с языковой точки зрения употребление В. Путиным опровергает этот тезис и мешает их актуализации Д. Медведевым.

Прагмемы в речи политиков максимально быстро отражают изменение знака оценки событий, явлений в политическом дискурсе. Прагмама как средство открытой оценочности – это самый быстрый способ закрепления нужного смысла в языковой моде, актуализации его в дискурсе. Расширение сочетаемости прагмем В. Путин использует как способ актуализации их в дискурсе. Д. Медведев употребляет их в рамках норм сочетаемости, что не добавляет его речи индивидуальности, запоминаемости.

Вершиной оценочной шкалы [Маркелова 1996: 96] является **метафора** – «наиболее пространственный троп, основанный на принципе сходства, аналогии, реже – контраста явлений» [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2003: 504]. Метафора выступает в качестве ядра скрытой оценочности. Метафора в политическом дискурсе выполняет особую оценочно-ориентирующую функцию – создать у адресата яркий, зримый образ, суггестивно влияющий на принятие решения.

Исследовать метафоры можно на примере метафорических моделей. Метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y» [Чудинов 2003]. Важно отметить, что «концептуальная политическая метафора отражает национальное сознание и существующие в данной стране представления о структуре государственного управления. <...> В частности, <...> президент "Нового света" может быть представлен как *commander-in-chief* (главнокомандующий), *prizefighter* (боксер-профессионал). <...> Президент для американцев – это не монарх, святой или полновластный владетель страны, а нанятый народом управляющий» [Чудинов 2008: 221]. В российском же политическом дискурсе, как доказал А. Чудинов, «важное место в системе образов занимает концептуальная метафора "президент – это царь" [там же: 213]».

В послании В. Путина и Д. Медведева Федеральному Собранию метафор немного, что подчеркивает «серьезность» жанра, его намеренную строгость. Вместе с тем, в посланиях представлены все четыре разряда русской политической метафоры, выделенные А. Чудиновым [2003].

К разряду антропоморфной метафоры относится метафорическая модель болезни «*надо прежде всего пробить образовавшиеся в экономике "финансовые тромбы"*» (Д. Медведев). Негативные эмоции, связанные с моделью болезни, трансформируются в положительные в модели медицины как деятельного процесса преодоления болезни.

К разряду природоморфной метафоры относится модель насекомого: «*а не искать только блох на постсоветском пространстве*» (В. Путин). Этой метафорой, употребленной в рам-

ках парадигмы «мы-эксклюзивное», В. Путин подчеркивает незначительность, неактуальность проблемы, которая волнует «врагов».

«Авиаметафору» Д. Медведева «*турбулентность мировой экономики*» можно отнести к модели перемещения в пространстве в рамках социоморфного разряда метафоры. Выстраивая метафору на контрасте к одной из основных ценностей современного политического дискурса – стабильности, – Д. Медведев акцентирует внимание на неустойчивом, подвижном, а стало быть, рискованном положении для «самолета» мировой экономики.

Метафорическая модель дома, относящаяся к артефактному разряду метафоры, – одна из базовых в культуре и языке, она естественным образом репрезентирует представления говорящего о мироустройстве. Фрейм конструкция дома включает слот фундамента, без которого невозможно построить крепкий дом: *«тем прочнее и стабильнее должны быть фундаментальные институты демократии, ее, образно говоря, несущие конструкции, на которых держится все здание демократического государства»* (Д. Медведев). Фрейм строительства особенно популярен в путинском дискурсе: *«Темпы строительства Союзного государства»* (В. Путин).

В политическом дискурсе метафора представляет собой способ осмысления меняющейся реальности, способ быстрого, скрытого внедрения оценки, подчас минуя сознание адресата. В. Путин употребляет метафоры, относящиеся к природоморфному разряду, вызывая отрицательную оценку деятельности актантов из парадигмы «мы-эксклюзивное». Д. Медведев же вводит в свою речь метафоры из антропоморфного и социоморфного разряда. Метафоры эти вызваны кризисным состоянием современной экономики и призваны актуализировать способы его преодоления: к положительной оценке через преодоление отрицательной. Оба оратора обращаются к метафоре из артефактного разряда как понятной каждому жителю страны.

Таким образом, послание президента к Федеральному Собранию – это жанр, характерный для современного российского политического дискурса. В нем президент подводит итог развития страны за год и ставит стратегические и тактические задачи. Актуализируется определенный тематический, а следовательно, и лексический пласт в политическом дискурсе и дискурсе СМИ, вводятся и закрепляются изменения в активном словаре общества. Послание президента должно быть запоминающимся, используемые в нем обороты – потенциально «модные» речевые единицы. Как преемственность, так и новаторство в политическом дискурсе выражается средствами оценки. Перед Д. Медведевым стоит сложная задача: на языковом уровне показать себя преемником В. Путина на президентском посту и подчеркнуть при

этом свою политическую, а следовательно, и языковую самостоятельность. Д. Медведев часто выбирает те же единицы, использует те же риторические приемы, что и В. Путин. Стараясь дистанцироваться от дискурса В. Путина на разных уровнях: лексическом, тематическом (выбор основных событий, их актуализация в политическом дискурсе), синтаксическом и т.д., – Д. Медведев выбирает стандартизированные, шаблонные средства, которые в русском языковом сознании ассоциируются с речью чиновников: *«по событиям на Южном Кавказе крупнейшие политические движения страны действовали солидарно»*.

Политический дискурс в большей степени по сравнению с другими дискурсами стремится отграничить себя от других. Традиционным средством деления мира на «своих» и «чужих» являются парадигмы «мы-инклюзивное» и «мы-эксклюзивное». В версии Д. Медведева парадигма «мы-инклюзивное» шире, чем в версии В. Путина: Д. Медведев делает акцент на том, что в условиях кризиса Россия не приостановит процесс интеграции в мировое сообщество, поэтому в парадигму «мы-инклюзивное» он включает весь мир, что звучит актуально, но не совсем правдоподобно.

В. Путин и Д. Медведев выбирают похожие средства оценки – как открытой, так и скрытой.

И В. Путин, и Д. Медведев используют в речи синонимы лексем-узла «одобрять», но тщательно избегают ее антонимов, предпочитая отрицательные оценки облекать в безличную форму. В. Путин чаще использует личные глагольные формы (в том числе глаголы с семой уверенности, убежденности), Д. Медведев оперирует именными конструкциями, вводит пассивный залог, которые лишают его речь динамичности, вызывая ассоциацию с шаблонами документов: *«Стратегия развития российского образования в целом скоро будет утверждена Правительством»*.

Прагмемы в речи политиков максимально быстро отражают изменение знака оценки событий, явлений в политическом дискурсе. Прагмема – это самый быстрый способ закрепления нужного смысла в языковой моде, актуализации его в дискурсе. Расширение сочетаемости прагмем В. Путин использует как способ актуализации их в дискурсе: *«капитализация институтов развития»*. Д. Медведев употребляет их в рамках норм сочетаемости (*«зрелость демократических институтов»*). Входящие в состав концепции четырёх "И" прагмемы Д. Медведев представляет как собственный проект, новацию в российском политическом дискурсе. Однако их более частое и смелое с языковой точки зрения употребление В. Путиным опровергает этот тезис и мешает их актуализации Д. Медведевым. Удачным ходом стало употребление Д. Медведевым в речи окказионализма *«кошмарить»*, который в составе сло-

восочетания «не надо кошмарить бизнес» вошел в языковую моду и стал прецедентным текстом.

В своем послании к Федеральному Собранию и В. Путин, и Д. Медведев избегают чрезмерного употребления метафор как способа скрытого внедрения оценки в сознание реципиента. Они обращаются к традиционной для политического дискурса метафорической модели дома. Кризис побуждает Д. Медведева обратиться к метафорической модели болезни. На метафорическом уровне дискурс В. Путина воспринимается как более динамичный и даже агрессивный: «а не искать только блох на постсоветском пространстве».

Можно говорить о том, что образ демократического лидера, чиновника во главе государства (Д. Медведев: «Президент России – это очень конкретная и практическая работа»), который апеллирует к конституционным ценностям, пока не стал в российском политическом дискурсе более популярным, чем образ «царя», «сильной руки», что особенно важно в кризисных условиях. Ожидания аудитории связаны с харизматичным, нешаблонным отражением волевых решений в языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994. 330 с.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
- Добросклонская Т.Г. Тексты массовой информации в культурологическом аспекте // Публицистика и информация в современном обществе. – М., 2000. С. 70-83.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность – М.: Наука, 1987. 263 с.
- Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 1989. С. 3-8.
- Лингвистический энциклопедический словарь [под ред. В.Н. Ярцева] – М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий [под ред. А.Н. Николюкина] – М.: Интелвак, 2003. 1600 стб.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. – М., 1994.
- Маркелова Т.В. Лексема-узел «одобрять» // Филологические науки. № 3. 1999. С. 76-87.
- Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: дис. д.ф.н. – М., 1996.
- Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (дата обращения 05.11.2008).
- Методология исследований политического дискурса: актуал. проблемы содержания, анализа обществ.-полит. Текстов. В 2 ч. [под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой] – Минск: БГУ, 1998-2000.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка [под общ. ред. Проф. Л.И. Скворцова]. 24-е изд., испр. – М.: Оникс: Мир и Образование, 2007. 640 с.
- Паршин П.Б. Понятие идеополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики 1999. 407 с. URL: www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm.
- Поцепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. – М., 2000.
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации URL: http://www.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml. (дата обращения 26.04.2007).
- Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация [под ред. Л.П. Крысина] / РАН ИРЯ им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.
- Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
- Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: ИКАР, 2007. 480 с.
- Чернявская Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия – М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации – Екатеринбург, 2003. 248 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие – М.: Флинта: Наука, 2008. 256 с.
- Шапочкин Д.В. Языковая личность в политическом дискурсе. URL: <http://www.russian.slavica.org/article1906.html>.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
- Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 2003. № 3. С. 33-41.
- Эпштейн М.Н. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса // Вопросы языкознания. № 6. 1991. С. 19-33.

© Дементьева М.К., 2009